

УДК 821.111-312.9(94)  
ББК 84(8Авс)-44  
С14

Krystal Sutherland  
HOUSE OF HOLLOW

Печатается с разрешения  
InkWell Management, LLC and Synopsis Literary Agency

Иллюстрация на обложке и дизайн *Василия Половцева*

С14 Сазерленд, Кристал.  
Дом Холлоу: [роман] / Кристал Сазерленд; пер. с англ.  
О. Поповой. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-17-146604-6

Много лет назад три сестры Холлоу пропали прямо из-под надзора родителей.

Спустя месяц они появились в том же месте целыми и невредимыми. Но с того момента что-то изменилось. Их темные волосы стали пепельно-белыми, глаза потемнели, а аппетит стал просто нечеловеческим. Вдобавок между ключицами у каждой появился странный шрам в виде полумесяца.

Никто не знает правду о том, что случилось, — даже они сами. Девочки Холлоу просто пытаются жить дальше. Но когда старшая сестра, Грейс, вновь пропадает, у них нет выбора: они должны посмотреть в глаза прошлому и раскрыть тайну своего исчезновения.

УДК 821.111-312.9(94)  
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-17-146604-6

Copyright © Krystal Sutherland  
© О. Попова, перевод на русский язык  
© ООО «Издательство АСТ», 2022



# ПРОЛОГ

«Я не такая, как все» — это осознание впервые пришло ко мне в десять лет.

Около полуночи женщина в белом проскользнула в комнату через окно и срезала швейными ножницами локон с моей головы. Я не спала и все это время следила за ней в темноте, слишком напуганная, чтобы шевельнуться или позвать на помощь.

Я видела, как она поднесла прядь волос к своему носу и вдохнула аромат. Видела, как положила ее на язык и замерла на несколько мгновений, смакуя, прежде чем проглотить. Как наклонилась и провела кончиком пальца по шраму в виде полумесяца на моей шее, чуть выше ключицы.

И лишь когда незнакомка, не выпуская ножниц из рук, распахнула дверь, ведущую в смежную спальню моих старших сестер, я наконец закричала.

Мама схватила ее в коридоре, сестры помогли повалить на пол. Женщина казалась бешеной и со-

противлялась всем трем с неистовой силой, подпи-  
тываемой, как мы позже узнали, амфетаминами.  
Она укусила маму и ударила головой Виви, мою  
среднюю сестру, с такой силой, что разбила ей нос.  
Бедняжка еще несколько недель ходила с синяками  
под глазами.

И только Грей, моей старшей сестре, удалось  
ее усмирить. Когда сестре показалось, что мама  
не смотрит, она наклонилась к лицу дикарки и при-  
жалась губами к ее рту. Это был нежный, прямо-  
таки сказочный поцелуй, который в то же время вы-  
зывал отвращение, ведь подбородок женщины был  
покрыт кровью нашей матери.

На секунду в воздухе повис странный сладко-  
ватый запах, смесь меда и чего-то еще, чего-то ис-  
порченного. Грей отстранилась и, удерживая голову  
незнакомки в ладонях, смотрела на нее сосредото-  
ченно, выжидаяще. Глаза ее сделались черными,  
словно отполированные речные камни. Ей исполни-  
лось четырнадцать, и невозможно было вообразить  
себе существо прекраснее. Мне хотелось содрать  
с нее кожу и носить на себе.

Под ее прикосновением женщина содрогнулась  
и просто... стихла.

К моменту приезда полиции взгляд у женщины  
сделался неподвижным и отстраненным, а ноги —  
ватными. Когда ее уводили три офицера, она едва  
стояла на ногах, пошатываясь, словно пьяная.

Интересно, знала ли в те времена Грей, кто мы  
такие на самом деле?

Позже в полиции нам рассказали, что та женщина прочитала о нас в интернете и несколько недель посвятила слежке и подготовке своего вторжения.

Известность нам принес один странный случай, произошедший тремя годами ранее, когда мне было семь. Я ничего не помнила и никогда не вспоминала о нем, но, как оказалось, многих людей это происшествие всерьез интриговало.

Именно тогда я поняла, что мы отличаемся от остальных. В последующие годы это ощущение только усиливалось, а с нами продолжали происходить странные вещи. Когда Виви было пятнадцать, один мужчина попытался затащить ее в свою машину, чтобы похитить, считая ее ангелом. Она сломала ему челюсть и выбила пару зубов. Еще был учитель, которого Грей ненавидела. Его уволили после того, как в присутствии всего класса он прижал ее к стене и поцеловал в шею. А потом очень симпатичная и популярная девушка, которая доставала меня в школе, вышла вперед на общей линейке и принялась брить себе голову. Роскошные темные локоны падали к ее ногам, а по щекам текли слезы.

Когда среди множества лиц в тот день я в толпе увидела Грей, она пристально посмотрела на меня. Травля продолжалась многие месяцы, но сестре я рассказала об этом только накануне вечером. Она лишь подмигнула мне и вернулась к чтению книги. Шоу ее не интересовало. Но Виви, куда менее деликатная, закинула ноги на спинку впереди стоящего стула и расплылась в широкой улыбке, сморщив от удовольствия свой крючковатый носик.

Сестры Холлоу все время оказывались замешанными в чем-то темном и опасном.

У всех трех были черные глаза и молочно-белые волосы. И завораживающие имена из четырех букв: Грей, Виви, Айрис. Мы вместе ходили в школу. Вместе обедали. Вместе возвращались домой. Другей у нас не было — они нам не требовались. Словно акулы, мы передвигались по коридорам школы, оставляя мелких рыбешек шептаться за нашими спинами.

Все вокруг знали, кто мы такие. Нашу историю слышал каждый. И у каждого имелась собственная теория относительно того, что с нами произошло. Мои сестры умело пользовались этим. Подобно опытным садовникам, они взращивали и лелеяли окружавшую их тайну, поворачивая ее в ту или иную сторону по своему усмотрению. А я просто следовала за ними, всегда тихая, вдумчивая и смущенная всеобщим вниманием. Одни странности влекли за собой другие. Было опасно искушать судьбу, приглашая в нашу жизнь тьму, но она, казалось, притягивалась к нам сама собой.

Я не задумывалась о том, что сестры окончат школу намного раньше меня, вплоть до того самого момента, когда это произошло. Это место им не подходило. Грей обладала острым умом, но не находила в расписании уроков ничего, что могло бы ее заинтересовать. Если в классе задавали прочитать и проанализировать «Джейн Эйр», она могла решить, что дантовский «Ад» куда интереснее, и посвятить свое сочинение ему. На уроке рисования вместо реалистичного автопортрета она могла изо-

бразить монстра с запавшими глазами и руками, покрытыми кровью. Некоторым учителям это нравилось, но не большинству. Так что Грей выпустилась с довольно скромными оценками. Но если сестру это и волновало, она никогда не показывала, флиртуя по школе с уверенным видом человека, которому предсказана самая завидная судьба.

Виви предпочитала появляться в школе как можно реже, чем приносила администрации огромное облегчение, ведь каждый ее приход сопровождался кучей проблем. Она грубила учителям, прорезала в школьной форме дырки, чтобы та больше соответствовала стилю панк, рисовала баллончиком граффити на стенах туалетов и отказывалась снимать многочисленный пирсинг. Если сестра когда-либо снисходила до письменных работ, то всегда с легкостью получала за них высший балл. Но случилось это слишком редко для того, чтобы помочь ей удержаться на плаву. Впрочем, такое положение вещей Виви полностью устраивало. Каждой рок-звезде нужна достойная история. Так что вылететь из школы, за которую приходится выкладывать тридцать тысяч фунтов в год, — именно то, что нужно.

Они были такими уже тогда: обладали необыкновенной уверенностью в себе, свойственной лишь людям куда более зрелым. Их не волновало мнение окружающих. Не интересовало, что находят привлекательным другие (и этот факт, вполне естественно, делал их самих *неотразимо* привлекательными).

Они ушли из школы (и из дома тоже) с разницей в несколько недель. Грей тогда было семнадцать.

Виви — пятнадцать. Отправились покорять мир в полной уверенности, что им уготовано особенное, блестящее будущее. Так я и осталась одна — последняя из Холлоу. Силящаяся расцвести в густой тени, оставленной старшими сестрами. Тихая, но способная. Наделенная любовью к естественным наукам и склонностью к математике. Отчаянно, больше всего на свете жаждущая стать незаметной.

Медленно, но верно, месяц за месяцем, год за годом атмосфера таинственности, окружавшая моих сестер, рассеивалась. И на долгий период времени моя жизнь стала именно такой, о которой я мечтала с той самой памятной сцены, когда Грей утихомирил чокнутую незнакомку поцелуем: нормальной.

Но однажды, само собой, этой нормальной жизни пришел конец.



# ГЛАВА 1

**Я** затаила дыхание, заметив взирающее на меня с пола лицо сестры. Первое, что бросается в глаза, когда смотришь на Грей, — тонкий шрам в виде полумесяца. Второе — ее умопомрачительная красота. Журнал «Вог» (уже третья его американская обложка), должно быть, прибыл по почте и приземлился прямо на коврик в холле, где я и нашла его в призрачно-серебристом свете утра. «Девушка-загадка» — гласил заголовок, набранный зелеными, словно замшелыми, буквами. Тело наклонено к фотографу, губы слегка приоткрыты, черные глаза смотрят прямо в камеру. В белых волосах красуются рожки, будто бы ее собственные.

На одно короткое волшебное мгновение я поверила, что моя сестра действительно здесь, во плоти. Знаменитая Грей Холлоу.

За четыре года, прошедших с тех пор как моя старшая сестра ушла из дома, она превратилась в обворожительную хрупкую женщину с волосами,



походящими на сахарные нити, и лицом греческой богини. Даже на фото она казалась хрустально-прозрачной и такой легкой, словно в любой момент могла раствориться в эфире. Видимо, поэтому журналисты вечно называли ее неземной, хотя мне Грей такой не казалась. В статьях никогда не упоминали, что в лесу она чувствует себя как дома и легко ладит с растениями. Природа всегда ее любила. Ветви вистерии, росшей рядом с нашим домом, часто проникали в окно детской по ночам и обвивали ее пальцы.

Я подняла журнал и открыла рубрику «История с обложки».

Секреты окутывают Грей Холлоу подобно шелкам.

Мы встречаемся в лобби отеля The Lansborough\* (Холлоу никогда не пускает журналистов в свою квартиру, да и гостей, по слухам, тоже не принимает). Она одета в одно из своих творений, неповторимых и завораживающих. Только представьте себе тяжелую вышивку, сотни бусин, нити из чистого золота и тюль, невероятно тонкий, клубящийся, словно дым. Платья от Холлоу, густо расшитые листьями и увядающими лепестками, сравнивают с лихорадочным сном, в котором смешались волшебная сказка и ночной кошмар. Ее модели выходят на подиум с оленьими рогами и мышинными шкурами, а ткани окуривают дымом, так что показы Грей Холлоу пахнут лесным пожаром.

---

\* Пятизвездочный отель в Лондоне.

Она создает прекрасные и странные вещи, но именно их таинственная природа и сделала Дом Холлоу столь популярным в одно мгновение. Каждое из платьев являет собой секретное послание, но и это еще не все. Знаменитости рассказывают, что находят крошечные записочки, вшитые под корсажи; драгоценные камни, перемежающиеся с осколками костей, на которых выгравированы загадочные символы, а также руны, нанесенные невидимыми чернилами; микроскопические капсулы, которые лопаются при ходьбе, высвобождая аромат одноименного парфюма. Рисунки, которые изображает ее вышивка, кажутся дикими, иногда чрезмерно. Только представьте себе генномодифицированные цветы и скелетообразных минотавров, чьи лица лишены плоти.

Как и их создательница, каждое из платьев — тайна, которая только и ждет, чтобы ее разгадали.

Я бросила читать на этом месте, потому что прекрасно знала, чему будет посвящен остаток статьи. В ней расскажут о том, что произошло с нами, когда мы были детьми, о случае, который ни одна из нас не в состоянии вспомнить. И о нашем отце — о том, как он умер.

Мои пальцы коснулись шрама на шее. Точно такие же были у Грей и Виви. Но ни одна из нас не помнила, откуда они взялись.

Я взяла журнал с собой наверх, в спальню, и спрятала под подушкой, чтобы мама не смогла

найти его и сжечь в раковине на кухне, как предыдущий.

Прежде чем выйти из дома, я открыла приложение Find Friends\* — убедиться, что оно работает и передает мою геолокацию. Это было требование матери. Мне разрешалось отправиться на ежедневную утреннюю пробежку, только если она могла следить за моим маленьким оранжевым аватаром, перемещающимся по Хампстед-Хит\*\*. В общем-то мне, *в принципе*, разрешалось выходить на улицу, но только если мама могла следить за моим маленьким оранжевым аватаром, перемещающимся по... Ну, вы поняли. Аватар самой Кейт висел на юге, в больнице «Ройал Фри»\*\*\*, где она работала медсестрой в реанимации и частенько брала дополнительные смены.

«Выхожу», — написала я ей.

«Окей, буду за тобой приглядывать, — моментально ответила мама. — Когда вернешься домой, напиши, что все в порядке».

Я вышла в предрассветный зимний холод.

Мы жили в высоком, покрытом белой штукатуркой доме с остроконечной крышей и мозаичными окнами, напоминающими стрекозиные крылья. Остатки ночной мглы все еще цеплялись за карнизы и собирались в лужицы под деревьями во дворе

---

\* Приложение и служба отслеживания мобильных телефонов для устройств iOS.

\*\* Лесопарковая зона с холмом и видом на город.

\*\*\* Крупный учебный госпиталь в районе Хампстед лондонского округа Камден.

нашего дома. Мать-одиночка вряд ли могла бы позволить себе приобрести такое жилище на зарплату медсестры, но когда-то оно принадлежало родителям Кейт, которые погибли в автокатастрофе, когда она была беременна Грей. Бабушка и дедушка купили этот дом вскоре после свадьбы во время Второй мировой войны, когда цены на недвижимость в Лондоне рухнули из-за Блица\*. Они тогда были подростками, немногим старше, чем я сейчас. Когда-то это было грандиозное строение, но со временем оно просело и обветшало.

На моей любимой старой фотографии, сделанной на нашей кухне где-то в 70-х, комната полна ленивого солнечного света, который в летние месяцы задерживается по нескольку часов, цепляясь за верхушки деревьев и создавая им золотые ореолы. Бабушка щурится в камеру. На ее коже — калейдоскоп мерцающих зеленых бликов от витража, который с тех самых пор разбит. Дедушка стоит, обняв ее, с сигарой во рту. Ремень поддерживает брюки высоко на талии. На носу круглые очки. Воздух кажется теплым и тронутым дымком. Бабушка с дедушкой улыбаются. Они такие довольные, такие расслабленные. И если не знать их историю, можно решить, что они счастливы.

Из четырех беременностей моей бабушки только одна, случившаяся в достаточно зрелом возрасте, завершилась рождением живого ребенка, моей

---

\* Бомбардировка Великобритании авиацией гитлеровской Германии в период с 7 сентября 1940-го по 10 мая 1941 года, часть битвы за Британию.

матери Кейт. Комнаты этого дома, которые предназначались для детей, остались пустыми.

Они не дожили до момента рождения внучек. В каждой семье есть вещи, о которых не принято говорить вслух. Истории, которые ты знаешь, хоть и не помнишь, откуда. Память об ужасных трагедиях, которые отбрасывают длинные тени из поколения в поколение. Трое мертворожденных детей Аделаиды Ферлайдс были одной из таких историй.

Другая относится к тому, что случилось с нами, когда мне было семь.

Виви позвонила, прежде чем я успела дойти до конца улицы. Я ответила через беспроводные наушники. Мне не требуется смотреть на экран, чтобы узнать: на связи именно она.

— Привет, — сказала я. — Что-то ты рано проснулась. В Будапеште еще и двенадцати нет.

— Ха-ха-ха, — голос Виви звучал приглушенно, — что делаешь?

— Вышла на пробежку, как и каждое утро, знаешь ли.

Я повернула налево и побежала по тропинке мимо пустых спортивных площадок и высоких голых деревьев. Утро выдалось серым. Солнце медленно пробуждалось за пеленой облаков. Холод пронизывал кожу, выжигая слезы. Каждый удар сердца отдавал болью в ушах.

— Фу-у-у, — ответила Виви. И я услышала на заднем плане объявления о ближайших рейсах. — Зачем ты так себя истязает?

— Это полезно для сердечно-сосудистой системы. Ты что, в аэропорту?

— Прилетела ради сегодняшнего концерта. Помнишь о нем? Только что приземлилась в Лондоне.

— Не помню, потому что ты мне не говорила.

— Уверена, что говорила.

— Ничего подобного.

— Ну ладно. Я уже здесь, а Грей сегодня прилетает из Парижа на какую-то съемку. Мы хотим потусоваться в Камдене\* до концерта. Заеду за тобой, как только выберусь из этого проклятого аэропорта.

— Виви, сегодня учебный день.

— Ты все еще посещаешь это отвратительное заведение? Повиси минутку, мне нужно пройти таможенный контроль.

Мой привычный маршрут вел через зеленые поля Голдерс Хилл Парк. Трава была усыпана бледно-желтыми нарциссами и бело-фиолетовыми крокусами, напоминающими конфетти. Зима выдалась мягкой, и весна ворвалась в город в середине февраля.

Шли минуты. Под шум аэропорта в трубке я пробежала вдоль западной границы Хампстед-Хит, свернула в парк и миновала побеленное каменное здание Кенвуд-хаус\*\*, углубляясь в заросли вереска, местами такие плотные, зеленые и старые, что начинаешь сомневаться, действительно ли ты все еще в Лондоне. Меня тянуло к тихим уголкам, где

---

\* Район на северо-западе Лондона.

\*\* Резиденция Уильяма Мюррэя, первого графа Мэнсфилда, расположенная в лондонском районе Хампстед. В настоящий момент общественный художественный музей.

тропинки были грязными, а густорастущие деревья, сплетаясь ветвями, образовывали арки. Вскоре на них вновь появятся листья, но этим утром я бежала под голыми ветвями. С двух сторон дорожку окаймляли ковры опавших листьев. Воздух здесь стоял затхлый, пропитанный сыростью. Из-за недавнего дождя было слякотно, и при каждом шаге грязь попадала на мои икры. Солнце уже поднималось, но ранний утренний свет словно был окрашен капелькой чернил, из-за чего тени казались глубокими и таящими в себе неведомую опасность.

В трубке вновь зазвучал голос сестры:

— Ты еще здесь?

— Да, — ответила я, — к большому сожалению. Твоя манера общаться по телефону просто ужасна.

— Как я уже говорила, в школе ужасно скучно, зато со мной невероятно интересно. Требую, чтобы ты сегодня прогуляла занятия ради общения со мной.

— Я не могу...

— Не заставляй меня звонить в администрацию. Я скажу им, что тебе нужно сдать тест на ЗППП, так что ты не придешь.

— Ты не посмеешь...

— Вот и договорились. До скорого.

— Виви...

Едва она отключилась, как откуда-то из низкорослых кустарников прямо мне в лицо бросился голубь. Я взвизгнула и упала на спину прямо в грязь, инстинктивно защищая руками голову, хотя птица в тот же миг упорхнула. И вдруг... я уловила вдалеке на дорожке какое-то движение. За деревьями и вы-